

Чу Чжаохуай только успел проснуться после полуденного сна, когда услышал за дверью знакомые шаги — по одной лишь стремительной поступи можно было узнать маленького Шицзы.

Однако на этот раз за ним не следовал Чжао Бо, обычно из последних сил пытающийся удержать сорвиголову.

Чжаохуай протер глаза, и не успел он еще толком удивиться, как Цзи И ворвался в комнату.

— Чу Чжаохуай, подъем! Идем, идем! Сегодня мы зададим жару в храме Хуго!

Тот еще пребывал в полудреме:

— Куда?

— В храм Хуго, — Шицзы, заметив, что юноша одет лишь в тонкое нижнее платье, схватил аккуратно сложенную одежду и нетерпеливо швырнул ее на кровать. — Отец сегодня неприлично щедр: он велел нам зажечь первую свечу. Нужно хорошенько подумать, чего бы такого попросить у богов.

Юноша принялся неспешно одеваться:

— Разве нам не нужно остаться дома и встречать Новый год?

— Да что тут встречать? Отец вечно по уши в делах, его никогда не бывает дома в канун праздника.

Только тогда движения Чжаохуая стали чуть быстрее. Стараясь скрыть любопытство, он как бы невзначай спросил:

— Говорят, храму Хуго уже несколько сотен лет, и благовония там не гаснут ни днем, ни ночью. Должно быть, это величественное зрелище?

Собеседник кашлянул и неловко дернул себя за мочку уха:

— Ну, наверное... И еще: ты не мог бы говорить без своего цзяннаньского говора?

Стоило тому открыть рот, как всё внимание невольно переключалось на этот мягкий голос, и смысл слов ускользал.

— Хорошо, — покорно согласился Чу Чжаохуай, решив, что Шицзы его просто не понимает. Перейдя на официальную столичную речь, он продолжил: — В Линьане тоже есть большие храмы. Перед отъездом я ходил в храм Хуагуан, чтобы вытянуть жребий на богатство.

— И что выпало?

— Пятнадцатый жребий из Божественных жребиев Гуань-ди.

Текст гласил:

«Две семьи по положению друг другу под стать,

Коль не суждено — не стоит и враждовать.

Весеннего ветра добрые вести дождись,

И звуками лютни в покоях своих насладись» □

Цзи И озадачился:

— Ты же просил богатства? При чем здесь женитьба?

— Не знаю. Жребий просто выпал. Настоятель просил два лана серебра за толкование, а мне было жа... — Чжаохуай осекся и, натягивая сапог, сухо добавил: — У меня не было с собой достаточно денег, так что толковать я не стал. Но любовь и богатство в предсказаниях часто идут рука об руку. Должно быть, время для наживы тогда было неподходящее, и нужно было ждать весны.

Впрочем, стоило ему прибыть в столицу, как деньги потекли к нему рекой, и он даже сумел вернуть приданое матери.

Видать, то гадание было неточным. В этот раз в храме Хуго можно будет попытать удачу снова.

Цзи И, не вынося медлительности юноши, сам набросил на его плечи белоснежное меховое манто:

— Лян Фан, скорее всего, уже на месте, поедем в его экипаже. Чжао Бо! Собери для Ванфэй несколько смен одежды, мы вернемся только второго числа.

Дворецкий уже всё подготовил. Увидев, как Чу Чжаохуай в некотором оцепенении следует за Цзи И, старик подошел и вложил ему в руки маленькую грелку.

Чжаохуай принял ее и тихо поблагодарил.

В сопровождении свиты они вышли за ворота усадьбы.

У входа по какой-то причине царило необычайное оживление, и когда Цзи И в недоумении огляделся, откуда-то издали послышался быстрый перестук когтей — к ним мчалась белоснежная тень.

Чу Чжаохуай всмотрелся, и лицо его вмиг утратило все краски.

Цзи И присел и ласково позвал:

— Лю Чу!

Снежный волк по кличке Лю Чу подлетел к ним, но перед самим Шицзы чинно замедлился и с напускным безразличием ткнулся мордой в его колени. Впрочем, хвост его при этом метался из стороны в сторону, точно у обычной собаки.

Маленький Шицзы, давно не видевший волка, принялся его гладить, как вдруг сзади донесся испуганный возглас дворецкого:

— Ванфэй!

Чу Чжаохуай пошатнулся и едва не рухнул навзничь — если бы слуги не подхватили его под руки, он бы точно проломил себе затылок о порог.

Видя, как юноша побледнел от ужаса, он поспешно обхватил Лю Чу за морду:

— Не бойся, Лю Чу очень послушный, он никогда не кусается.

Ноги Чу Чжаохуая, и без того не зажившие до конца, окончательно ослабли. Холодный пот выступил у него на лбу, и он едва держался, несмотря на помощь слуг.

Воспоминания о том, как в детстве снежный волк терзал его голень, пытаясь утащить за собой, нахлынули подобно приливной волне. Хотя рана затянулась много лет назад, ему почудилось, будто по ноге снова течет что-то липкое и теплое, а алая кровь пачкает землю.

Внезапно раздался резкий свист.

Лю Чу жалобно взвизгнул и, поджав хвост, стрелой бросился к ближайшей карете, скрывшись внутри.

Оттуда тут же донесся изумленный вскрик Лян Фана.

Цзи И поспешил на помощь к Чжаохуаю:

— Ты как? Сильно испугался?

Тот с трудом взял себя в руки и, пытаясь сохранить достоинство, покачал головой:

— С чего бы... Хм, всего лишь... волк. Совсем не напугал.

Цзи И промолчал.

«У самого же голос дрожит, — подумал он, — будто сейчас заплачет»

Лю Чу забился в карету Лян Фана и наотрез отказывался выходить. Пока Шицзы ломал голову, что делать, из ниоткуда возник Инь Чжуншань. Командующий почтительно склонил голову:

— Ванфэй, прошу вас занять передний экипаж.

Цзи И посмотрел в ту сторону, и лицо его слегка позеленело.

Неужто солнце встало на западе? Его отец ведь никогда не верил в богов и не переступал порог храмов.

Кони нетерпеливо переступали с ноги на ногу, и до слуха Чу Чжаохуая донесся мелодичный звон золотых украшений сбруи — роскошь, которую ни с чем нельзя было спутать.

Это была карета Цзи Сюня.

Дыхание Чжаохуая перехватило.

Инь Чжуншань вежливо повторил:

— Прошу вас, Ванфэй.

Чу Чжаохуай предпочел бы быть съеденным волками, чем сидеть в одном экипаже с Цзи Сюнем. С каменным лицом он направился к карете Лян Фана.

— Ау-у-у!

Снежный волк высунул морду из-за шторы и огласил окрестности воем.

У Чжаохуая потемнело в глазах. Он едва снова не упал, но вовремя развернулся и почти бегом бросился к первой карете, лишь бы подальше от зверя.

Уж лучше встретиться с Богом Несчастий.

Опираясь на подставленную руку Инь Чжуншаня, Чу Чжаохуай поднялся в экипаж. Не успел он еще совладать с чувствами перед встречей с князем, как подкосившиеся от страха колени окончательно подвели его. Юноша споткнулся и полетел вперед.

Маленькая грелка выпала из его рук, и к самому лицу полыхнуло жаром от рассыпавшихся углей.

Мир качнулся, но внезапно чья-то сильная ладонь подхватила его поперек талии, точно и уверенно удерживая от падения прямо на раскаленный древесный уголь.

Рука эта была тверда как скала — человек даже не шелохнулся, удерживая на себе чужой вес.

Всё еще пребывая в смятении, Чжаохуай уперся руками в сиденье, чтобы сесть ровнее, и поднял глаза.

Несмотря на лютую зиму, Цзи Сюнь был в одном лишь легком платье. Сегодня на нем был широкий черный халат, а волосы, стянутые лентой, придавали ему вид отрешенного от мира небожителя.

Князь серебряными палочками для сладостей неспешно собрал угли обратно в грелку, плотно закрыл крышку и протянул ее юноше.

Чу Чжаохуай в оцепенении принял ее и машинально прошептал:

— Благодарю, Ванье.

Цзи Сюнь, заметив его мертвенную бледность, едва заметно прищурился и мягко спросил:

— Боишься волков?

Чжаохуай уже немного пришел в себя. Он качнул головой:

— Тот снежный волк... его вырастил Ванье?

— Да, — князь приоткрыл занавеску, впуская в карету струю холодного воздуха, но тут же, словно вспомнив о чем-то, медленно опустил ее обратно. — Подобрал волчонка на зимней охоте много лет назад. Показался потешным, вот и решил оставить.

— О, Ванъе очень милосерден.

«Небось, просто хотел дожидаться, пока он вырастет, чтобы пустить шкуру на подстилку?»

Бровь Цзи Сюня иронично изогнулась, и на его губах заиграла улыбка:

— Слова Ванфэй звучат не слишком искренне.

«Какой же он пронизательный, — промелькнуло в голове юноши. — Видать, привык, что его все за глаза костерят»

На лице же его застыло выражение глубочайшего почтения:

— Ванъе видит насквозь — это слова от самого сердца, в них нет ни капли лести.

Беседа текла своим чередом, но у правившего лошадьми Инь Чжуншаня от их разговора ныли зубы.

До того памятного дворцового пира Ванфэй всегда говорил непринужденно и легко, а когда радовался — то и вовсе переходил на непонятный цзяннаньский говор. В его глазах всегда читались искренность и чистота.

А теперь...

По одному только голосу можно было представить его холодный, отрешенный вид. А уж взгляд, которым он одаривал князя... Впрочем, скорее всего, он просто сидел, опустив глаза, и даже не смотрел на него.

Инь Чжуншань не мог разгадать замыслов господина.

«Кем же был Ванфэй для его господина — супругом или просто пешкой?»

В карете тем временем раздался вопрос:

— Всё еще сердисься?

Чу Чжаохуай опешил. Он никак не ожидал услышать подобные слова от Цзи Сюня.

Последние два дня тот совсем не обращал на него внимания, и Чжаохуай решил, что князю больше нет дела до участи бесполезной пешки, а уж до его чувств — и подавно.

Юноша слегка поджал губы:

— Вовсе нет.

На пиру в Зале Тайхэ его не наказали за «подмену невесты». По сравнению с Чу Цзином, лишившимся титула, и Чу Чжаоцзяном, потерявшим пальцы, он отделался легким испугом.

Цзи Сюнь ему никто — они чужие люди. Он лишь ложная Ванфэй, которую подсунули князю. И то, что его использовали в игре против врагов, было вполне закономерно.

У Чу Чжаохуая не было ни права, ни причины для обид.

В эти дни он был подавлен и не хотел видеть Цзи Сюня по двум причинам. Во-первых, он просто ждал, когда князь вспомнит о нем и велит собирать манатки и убраться восвояси. Во-вторых, он был до смерти напуган тем, что увидел в императорском дворце.

Он впервые осознал, какой сокрушительной может быть власть. Одно лишь слово — и великие горы рушатся. А он — лишь жалкий муравей.

Цзи Сюнь снова спросил:

— Значит... ты боишься меня?

Чу Чжаохуай покачал головой:

— Не смею.

Князь усмехнулся:

— Тогда отчего же у тебя руки дрожат?

— От холода.

— Чжуншань, — позвал Цзи Сюнь. — Забери жаровню из кареты Цзи И.

Чу Чжаохуай промолчал.

Вскоре, под истошные вопли Шицзы: «Эй! Эй! Моя жаровня! Мои отборные угли из золотого сандала!», Инь Чжуншань с невозмутимым видом внес трофей в карету князя.

В экипаже было не так просторно, как в комнате, и вскоре воздух наполнился теплом — стало по-весеннему жарко.

Чу Чжаохуай в полном недоумении уставился на тлеющие угли.

Этот человек ведь терпеть не может жару. На его лбу уже выступили капли пота, так к чему было тащить сюда жаровню?

Неужели он так жаждет услышать в ответ: «Да, я тебя боюсь»?

Чжаохуай долго сдерживался, но в конце концов не выдержал и задал вопрос, который мучил его всё это время:

— Ванъе уже достиг своей цели, усадьба маркиза Чжэньюань лишилась титула. Я для вас больше не имею никакой ценности. Скажите, когда вы позволите мне уйти?

Цзи Сюнь просматривал свежие Записки о ванфэй и, не поднимая головы, ответил:

— Государь лично скрепил этот брак, и развод без веской причины будет расценен как ослушание. Можешь подождать, пока Его Величество отойдет в мир иной, или пока на меня обрушится божья кара. Тогда и обретешь свободу.

Чу Чжаохуай промолчал.

Ему безумно хотелось возмутиться, но он не посмел. Как можно так легко бросаться словами, граничащими с государственной изменой!

Он и впрямь безумец!

После пира Чу Чжаохуай окончательно убедился, что слухи о Цзин-ване как о Боге Несчастий — чистая правда, а та мягкость, с которой он относился к нему раньше, была лишь маской.

Вспомнив, как он из благодарности тратил деньги, подкупая людей, чтобы те распускали слухи о «добродетельном Цзин-ване», Чжаохуай покраснел до корней волос. Ему хотелось повернуть время вспять и отвесить самому себе оплеуху.

И зачем только он полез не в свое дело! Теперь вот позорище на всю жизнь.

Цзи Сюнь долго и молча смотрел на его профиль, а затем снова опустил глаза в книгу, как бы невзначай обронив:

— Неужто тебе так не терпится покинуть мою усадьбу?

В дом маркиза пути назад не было, а в семье Бай из Линьяня его никто не ждал. Любой другой на его месте стремился бы остаться под защитой, а не бежать в никуда.

Глаза Чу Чжаохуая вспыхнули, он с надеждой посмотрел на князя:

— У Ванье есть способ?

Цзи Сюнь перестал переворачивать страницы. Настроение его почему-то снова испортилось, и голос зазвучал сухо.

— Твой отец ведь говорил тебе: я совершил немало злодеяний и скоро поплачусь за это жизнью. Так что потерпи еще немного. А когда приедем в храм Хуго, зажги ту первую свечу и попроси Будду явить чудо. Глядишь, к весне и вернешься в свой Линьянь.

Чу Чжаохуай промолчал.

<http://bllate.org/book/15341/1373367>